

Повесив трубку, Линь Сынянь, с помрачневшим лицом, на ходу схватил с вешалки пальто и, застёгивая пуговицы, зашагал к выходу.

Но не успел он выйти из гостиной, как за спиной послышался топот множества ног. Обернувшись, он увидел, что все, кто в данный момент находился в старом особняке, до единого, собрались следом за ним, всем своим видом показывая готовность куда-то ехать.

— Учительница сказала, что в школу должны прийти родители, — с ноткой безысходности в голосе произнёс Линь Сынянь. — Я боюсь, как бы Фэйфэя в школе не обидели, нужно спешить. Зачем вы все собрались? В школу вызывают родителей, а не устраивают разборки.

Его слова ещё можно было понять в отношении дедушки и бабушки, а также старшего и третьего дедушек, которые знали Фэйфэя с пелёнок и души в нём не чаяли, готовые достать для него луну с неба.

Но Линь Яо, этот малыш, который вчера вечером простудился и сегодня первый день не пошёл в детский сад, тоже, покашливая, плёлся за ними.

Что это такое? Вызвали родителей, а в итоге в школу явится ещё и младший двоюродный брат Линь Лэфэя?

Сам же Линь Яо, казалось, не видел в этом ничего странного и, помахав кулачком, заявил:

— Дядя, я тоже поеду. Они обидели брата, я им все зубы выбью.

Он слышал разговор дяди по телефону. Брата обидели в школе. Он должен помочь брату Фэйфэю отомстить!

На самом деле, учительница Хуан сообщила лишь о небольшом конфликте между Фэйфэем и другими учениками. Кто прав, а кто виноват, она не уточнила, так как ей предстояло обзвонить ещё десятки родителей.

Но для Линь Яо и остальных членов семьи Линь ответ был очевиден. Их Фэйфэй — такой послушный ребёнок, он никогда никого не обидит. Линь Госюн даже сомневался, что если Фэйфэя попросить кого-то намеренно обидеть, то сам Фэйфэй сжалится и убежит, так и не дойдя до дела.

Как такой малыш мог затеять драку в школе? Наверняка его обидели!

При мысли о том, что Фэйфэй, возможно, сейчас сидит в кабинете учительницы, напуганный и

обиженный, а может, даже раненый, Линь Госюн не стал тратить время на споры с Линь Сынянем. Он широким шагом направился к ближайшей машине, сел за руль и, вдавив педаль газа, умчался прочь.

Линь Юйцин лишь успел заметить, как старший дедушка, не разбирая, сел в кричаще-красный кабриолет, который недавно купил Линь Линь, получив права. Рёв мотора смешался с последними словами старика:

— Фэйфэй ждёт в школе подкрепления, а вы тут болтаете. Я поехал.

Встречный ветер растрепал почти седые волосы старика, но благодаря многолетним занятиям боевыми искусствами его осанка не была сторбленной, как у большинства людей его возраста. Спина его была прямой, и даже сидя за рулём не подходящего ему по стилю спортивного автомобиля, он излучал властную ауру большого человека.

Видя, что Линь Госюн уже уехал, остальные перестали спорить. Линь Сынянь махнул на них рукой и сел во вторую машину.

В следующие несколько минут, если бы кто-то смотрел сверху, он увидел бы, как несколько машин, выстроившись в колонну, с рёвом несутся к одной цели.

И выглядело это, почему-то, весьма угрожающе.

Как и сказал Линь Сынянь: не на родительское собрание едут, а на разборку.

***

Линь Госюн мчался на большой скорости, но от старого особняка до начальной школы «Цысин» было недалеко. К тому же, учитель Ма сначала вызвал родителей Цзян Ханя и его приятелей, которых Чжао Ци и остальные заперли в кабинете студенческого совета.

Когда учитель Ма пришёл, то застал плачевную картину: под пристальным и суровым взглядом Чжао Ци, Цзоу Дунъяна и остальных, только Цзян Хань держался более-менее, а его дружки, строча объяснительные, рыдали от страха.

На вопрос учителя Чжао Ци, Цзоу Дунъян и Вэй Ечэнь без утайки признались в содеянном. По школьным правилам, за такое полагался вызов родителей.

Когда учитель Ма перевёл всех учеников в специальный кабинет для бесед с родителями, вызвал их и заставил простоять в углу минут десять, пришла учительница Хуан с остальными учениками своего класса.

Цзян Хань, хоть и был задирой, на самом деле был просто избалованным ребёнком. Дома его баловали родители, дедушки и бабушки, а на улице — друзья и подхалимы, которые лебезили перед ним из-за его статуса. Сегодняшний день стал для него первым серьёзным уроком в жизни.

Вспоминая унижение в кабинете студенческого совета, где его заставили писать объяснительную, Цзян Хань сверлил Чжао Ци и остальных гневным взглядом.

Возможно, из-за силы его ненависти, родители Цзян Ханя прибыли первыми.

В тот момент, когда его родители вошли в кабинет, Цзян Хань больше не смог сдерживать обиду. Упрямо смахнув слезу, он бросился в объятия матери.

— Сяо Хань, что случилось? Расскажи маме. Тебя в школе обидели? — принялась причитать мать, убитая горем при виде слёз сына.

Почувствовав поддержку, дружки Цзян Ханя, до этого притихшие, как мыши, снова осмелели и наперебой начали жаловаться:

— Их было несколько десятков человек против нас нескольких. А ещё кто-то хотел столом в Цзян Ханя кинуть!

— Да-да, у многих было оружие: линейки, швабры, палки, даже стулья. Они обвинили нашего босса в драке, а он никого не бил! Просто легонько толкнул.

— Потом пришёл студенческий совет, они с ними заодно. Нас отвели в их кабинет и заставили писать объяснительные. Не отпускали, пока не напишем.

Дети — существа хитрые, они жаловались только на Цуй Юаня и Чжао Ци, а о том, что Цзян Хань первым толкнул Фэйфэя, упомянули лишь вскользь.

Мать Цзян Ханя, слушая это, едва сдерживала гнев. Она повернулась к классной руководительнице сына, учительнице Хуан, и с возмущением спросила:

— Учительница Хуан, я доверяю вам своего сына, а вы так заботитесь о его безопасности? Вы слышали? Его чуть стулом не ударили! Если бы с моим сыном что-то случилось, никому бы мало не показалось!

Учительница Хуан чувствовала свою вину. В её классе произошло такое серьёзное происшествие, а она не оказалась на месте в первый же момент. Поэтому она с пониманием отнеслась к гневу матери и вежливо извинилась перед ней и отцом Цзян Ханя, который с момента появления в кабинете хранил молчание, нахмурив брови.

— Господин Цзян, госпожа Цзян, это действительно наша ошибка, и моя, как классного руководителя. Я обещаю вам, что подобное больше не повторится.

Ни отец, ни мать Цзян Ханя не ответили. В кабинете повисла неловкая тишина.

Учительнице Хуан, женщине лет сорока-пятидесяти, было неприятно, когда родители унижали её перед коллегами и учениками. Но что поделаешь, она не могла позволить себе конфликтовать ни с кем из присутствующих здесь учеников и их родителей.

— Дядя, тётя, учительница с вами разговаривает, — вдруг раздался детский голос. Это был Фэйфэй, который подумал, что взрослые просто не услышали учителя.

Сегодня в кабинете разыгралась настоящая драма, и главными её героями были Фэйфэй и Цзян Хань. Учительница Хуан, видя послушного и милого мальчика и разобравшись в причинах конфликта, невольно прониклась к нему симпатией.

Она даже, вызвав родителей, специально успокоила Фэйфэя, сказав, что его вины в случившемся нет и чтобы он не боялся.

Фэйфэй остро чувствовал доброту и злобу окружающих. Он чувствовал, что учительница Хуан относится к нему хорошо, поэтому и впечатление о ней у него сложилось самое благоприятное.

Услышав замечание маленького мальчика, супруги Цзян больше не могли притворяться, что не слышат, иначе выглядели бы мелочными.

Нехотя кивнув, мать Цзян Ханя снова начала допрос:

— Кто тот, что хотел бросить в Цзян Ханя стол?

Чжан Сяоху презрительно хмыкнул и уже собирался выйти вперёд, как его опередил Фэйфэй.

— Это я, — твёрдо произнёс мальчик. Никто бы и не подумал, что он лжёт.

Сказав это, Фэйфэй сделал два шага назад и, протянув руку, легонько оттолкнул Сяоху. Затем, спрятав руку за спину, он принялся отчаянно махать ею, показывая Чжан Сяоху, Цуй Юаню и остальным, чтобы они не выходили.

Смысл был ясен: не высовывайтесь, эта тётя выглядит очень злой, вдруг она начнёт бить детей. Пусть всё летит в меня! Я сильный!

В обычных обстоятельствах Чжан Сяоху и остальные не стали бы перечить Фэйфэю. Так

случилось и в этот раз. Они понимали, что Фэйфэй чувствует себя виноватым из-за того, что они ввязались в драку из-за него и теперь их родителей вызвали в школу. Поэтому он и решил взять всю вину на себя.

«Посмотрим, — подумал Чу Сяохань. — Если Фэйфэй действительно будет угрожать опасность, тогда вмешайся. Иначе эта его вина так и будет сидеть в нём, и нам же потом придётся его утешать».

Цуй Юань, Чжан Сяоху и остальные, видимо, думали так же. Они позволили Фэйфэй оттолкнуть их и стали молча наблюдать.

— Ты поднял стул? — впервые подал голос отец Цзян Ханя. В его тоне слышалось откровенное недоверие. Этот белый, пухлый малыш с невинными, как у оленёнка, глазами, мог поднять стул?

Если бы это сказал тот высокий и крепкий мальчик позади него, ещё можно было бы поверить.

Цзян Хань, которому, видимо, стало стыдно, после того как мать его успокоила, убежал из кабинета и теперь стоял снаружи. А его дружки, которые хотели было выдать Фэйфэя, оказались в окружении других детей. Им тут же зажали рты и схватили за руки, не давая и слова сказать.

Фэйфэй всегда прав. Раньше, когда он играл с ними и читал им сказки, он был прав, и сейчас, когда он вышел вперёд, он тоже прав! Даже если неправ, всё равно прав.

Лишь бы это не навредило ему самому, Фэйфэй всегда прав. Нельзя позволить этим людям мешать Фэйфэйю.

Более того, некоторые дети смотрели на Фэйфэя со звёздами в глазах. Сегодняшнее событие обязательно нужно будет записать в дневник и сохранить навсегда.

Сегодня они не только защитили Фэйфэя, но и Фэйфэй защитил их. Как можно не любить такого Фэйфэя?

Услышав сомнения отца Цзян Ханя, Фэйфэй снова уверенно кивнул.

Отец Цзян Ханя продолжил допрос:

— Это ты позвал всех этих людей?

— Да, — снова кивнул Фэйфэй.

— И скамейку тоже ты бросил?

— Да, — легко согласился Фэйфэй, но тут же поспешил добавить в защиту Сяоху и Юаньюаня:

— Я поднял стол и скамейку, но не бросил. Цзян Хань не пострадал. Мы не дрались по-настоящему.

Это нужно было прояснить.

Защищая своих друзей, Фэйфэй мыслил на удивление ясно. Поднять мебель и драться — и просто поднять мебель, но не драться — это разные вещи. Первое звучит гораздо серьезнее.

— Малыш, ты и стол поднял, и скамейку, не слишком ли ты занят был? — отец Цзян Ханя, казалось, заметил что-то неладное. Лицо этого ребёнка казалось ему смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел.

Если лицо знакомое, возможно, он знаком с его родителями. Поэтому отец Цзян Ханя сменил тон и не стал продолжать в том же духе, что и его жена.

Если он действительно знаком с родителями этого ребёнка, будет неловко потом встречаться.

К тому же, хоть и был большой шум, но, по сути, никто из детей не пострадал. Поэтому отец Цзян Ханя решил ограничиться символическим нравоучением:

— Дети не должны быть такими вспыльчивыми и агрессивными. Если Цзян Хань был неправ, ты мог поговорить с ним, рассказать учителю. В крайнем случае, после школы прийти к нам домой и пожаловаться мне, я бы его наказал. Но нельзя драться. Вы ещё такие маленькие, как можно бросаться стульями? Могли бы и покалечить кого-нибудь. Маленькая детская ссора, а если бы привела к непоправимым последствиям, вы бы потом всю жизнь жалели.

Фэйфэй внимательно выслушал нотацию, но всё же вставил слово в защиту Сяоху:

— Не бросал, я... не бросал.

Фэйфэй чуть не проговорился. Этот дядя, кажется, не такой уж и злой, наверное, он не будет бить детей?

Отец Цзян Ханя детей бить не собирался, но вот его жена, не зная о мыслях мужа и видя, что Фэйфэй сам вышел вперёд, тут же сменила тон на обвинительный:

— Раз ты сам признался, значит, это ты поссорился с Цзян Ханем в классе, а потом позвал толпу, чтобы избить его? А ещё запер его в кабинете студенческого совета и заставил писать объяснительную?

Она примерно поняла, что произошло, и догадывалась, что её сын тоже виноват. Но какая разница? Сяо Хань никогда в жизни так не страдал, он бросился к ней в слезах.

Поэтому, кто бы ни был прав, а кто виноват, раз её сын плакал, значит, виноват этот ребёнок!

Неудивительно, что Цзян Хань вырос таким задирой.

Фэйфэй не понимал логики взрослых. Он отступил на пару шагов назад и ответил:

— Тётя говорит неправду, Фэйфэй больше не хочет с ней разговаривать.

Малыш, повзрослев и пойдя в начальную школу, старался больше не называть себя по имени, а говорить «я». Но привычка — дело такое, иногда, особенно в стрессовых ситуациях, он неосознанно сбивался.

Сейчас Фэйфэй нервничал. Возможно, он почувствовал исходящую от женщины злобу. С самого детства Линь Сынянь и все остальные внушали ему: если встречаешь человека, который тебе неприятен, держись от него подальше.

Женщина не ожидала такой реакции от Фэйфэя.

Фэйфэй отвернулся, отказываясь от дальнейшего общения. Его друзья тут же, как по команде, окружили его, создавая живой щит.

Лицо матери Цзян Ханя помрачнело. Она повернулась к учительнице Хуан:

— Учительница Хуан, вы видите, как ведёт себя ваш ученик?

Лицо отца Цзян Ханя тоже помрачнело, но уже из-за жены.

— Хватит, помолчи.

Услышав упрёк мужа, женщина нахмурилась ещё больше.

Учительница Хуан с улыбкой протянула родителям стакан воды.

— Госпожа Цзян, успокойтесь. Пока что прибыли только вы. Какие бы у вас ни были претензии, давайте дождёмся родителей другой стороны и обсудим всё с глазу на глаз. Дети сейчас — сокровища для своих семей. Никому не понравится, если его ребёнка обидят за спиной. Я вас понимаю. Присядьте, пожалуйста. Я звонила родителям Линь Лэфэя некоторое время назад, они скоро должны быть здесь.

Получив вежливый отпор от учительницы Хуан, мать Цзян Ханя, до этого ослеплённая гневом из-за слёз сына, наконец-то обрела немного разума.

Она вспомнила, что эти дети могут быть не из простых семей, и с ними нельзя обращаться как попало.

Её муж прав, её слова не только о её сыне, но и о том, что у других детей тоже есть родители.

Отец Цзян Ханя, с тех пор как учительница Хуан заговорила, молчал. Линь Лэфэй... Линь Лэфэй. Этот ребёнок носит фамилию Линь.

Плохо дело. Отец Цзян Ханя посмотрел на жену, потом на маленького, пухлого ребёнка, который, несмотря на свой вид, смог сказать «тётя говорит неправду, я не хочу с ней разговаривать». Если этот Линь — тот самый Линь, о котором он подумал, то сегодня ему несдобровать.

Через мгновение Цзян Фу снова посмотрел на Фэйфэя, внимательно изучая его черты. Через некоторое время он вздохнул с облегчением. Внешне он не похож на почтенного учителя, значит, это не его внук.

Он много лет провёл в стране М, расширяя бизнес, и мало что знал о происходящем на родине. Изначально, по возвращении, он хотел первым делом навестить почтенного учителя, чтобы и дань уважения отдать, и восстановить старые связи. С поддержкой учителя ему было бы легче вести дела на родине.

Но не успел он сойти с самолёта, как в стране М снова возникли проблемы, и пришлось тут же лететь обратно. В стране остались только жена и сын.

Только вчера он снова вернулся. Не успел выспаться, как его вызвали в школу.

Он был на сто процентов уверен, что его сын не безгрешен. Но за годы за границей он был так занят работой, что редко бывал дома. Чувствуя вину перед сыном, он закрывал глаза на то, что жена балует его и ищет ему друзей.

Неожиданно эта снисходительность могла стоить ему очень дорого.

Цзян Фу на всякий случай снова мысленно пересчитал: младшему внуку почтенного учителя должно быть уже лет восемнадцать-девятнадцать, так что это точно не он. Но за границей ходили слухи, что три года назад во второй ветви семьи Линь, к которой принадлежал почтенный учитель, появился трёхлетний ребёнок, которого очень баловали.

По мнению Цзян Фу, почтенный учитель был человеком довольно сдержанным. Когда он ещё не уехал за границу и изредка бывал в гостях у семьи Линь, почтенный учитель не был

особенно близок ни с детьми, ни с внуками.

...

У Цзян Фу разболелась голова. Эти годы за границей были для него скорее ссылкой, чем расширением бизнеса. Проиграв в семейной борьбе, он был сослан отцом. Из-за этого, а также из-за того, что кто-то намеренно блокировал информацию, он был слеп и глух ко всему, что происходило на родине.

Только год назад, благодаря успехам в стране М, отец снова увидел в нём потенциал. К тому же, благодаря его связи с почтенным учителем и помощи брата жены, его наконец-то вернули, позволив снова войти в круг семейной власти.

В такой момент Цзян Фу не мог позволить себе ни малейшей ошибки. Раньше он уже проиграл из-за одной неосторожности. Второй раз он не мог допустить ту же ошибку.

Сегодняшний инцидент затронул слишком много детей.

Цзян Фу прислушивался к разговорам стоявших вокруг детей.

Цуй Юань. Семья Цуй? Возраст вроде сходится.

Чжан Хэнжуй. Семья Чжан? Возраст тоже сходится.

Чу Сяохань. Семья Чу! И возраст тот же.

У Цзян Фу по-настоящему разболелась голова. Но больше всего его беспокоил тот малыш в центре. Он мог только молиться: надеюсь, это не та семья Линь, о которой я думаю. А если и та, то надеюсь, что слухи о том, что почтенный учитель души не чает в этом ребёнке, — преувеличение.

Постойте, а если почтенный учитель придёт лично?

Цзян Фу похолодел, но тут же успокоил себя: нет, нет. Даже если почтенный учитель и любит этого ребёнка, он не придёт лично. Родного внука он так не баловал. И даже если, в самом крайнем случае, он придёт, то с его великодушием он не станет вмешиваться в детские ссоры.

Но Цзян Фу всё же жалел, что, зная о том, что ребёнок носит фамилию Линь, он не остановил жену, когда та начала говорить в резком тоне. Он не хотел портить отношения с шурином, который так помог ему вернуться.

Сердце Цзян Фу колотилось. Он напоминал страуса, спрятавшего голову в песок.

Вдруг он услышал шаги за дверью. Шаги были лёгкими, но ритмичными — так ходит человек, занимающийся боевыми искусствами.

Линь Госюн толкнул дверь и вошёл. Первым, кого он увидел, был Фэйфэй.

— Старший дедушка? — удивился Фэйфэй, увидев, что приехал именно он.

— Старший дедушка услышал, что Фэйфэя в школе обидели, вот и примчался защищать. Даже машину у твоего двоюродного брата угнал, — объяснил Линь Госюн.

Затем, посмотрев на лицо Фэйфэя, спросил:

— Нашего Фэйфэя обидели? Не бойся, расскажи дедушке, дедушка за тебя отомстит.

Слова старика прозвучали властно. В отличие от матери Цзян Ханя, он не стал юлить, а прямо заявил: я здесь, чтобы защищать Фэйфэя!

В тот момент, когда Линь Госюн вошёл в кабинет, лицо Цзян Фу стало пепельным. Услышав его слова, оно потемнело ещё больше.

А когда малыш, который с первого взгляда на старшего дедушку надул губки и наполнил глаза слезами, услышав его слова, бросился к нему в объятия и зарыдал, Цзян Фу понял только два слова: «Всё кончено».

Когда рядом нет взрослых, Фэйфэй считает, что должен быть сильным, чтобы не волновать друзей. Когда на него кричит злая тётя, Фэйфэй всё ещё может стойко стоять перед друзьями и отталкивать тех, кто хочет выйти вперёд.

Но когда пришли его родные, малыш почувствовал, что слёзы сами катятся из глаз.

Обняв старшего дедушку, Фэйфэй почувствовал себя в безопасности. Ведь старший дедушка очень сильный, его никто не может победить, даже Фэйфэй.

Фэйфэй тихонько, всхлипывая, рассказал Линь Госюну о случившемся.

— Фэйфэя толкнули, и вода из бутылки пролилась. Цзян Хань хотел посмотреть, не пьёт ли Фэйфэй ещё молоко, и схватил бутылку. Фэйфэй увернулся и упал. Эл толкнул Цзян Ханя...

Линь Госюн во время рассказа бросил взгляд на Цзян Фу, который стоял бледный, как полотно,

и мечтал провалиться сквозь землю.

В конце Фэйфэй добавил:

— Тётя очень злая, Фэйфэй не хотел с ней разговаривать и промолчал. Дядя не злой. И Цзян Хань не злой.

Это был их с семьёй Линь секретный язык. Когда Фэйфэй говорил, что кто-то «злой», это означало, что он чувствует от этого человека сильную недоброжелательность, даже если она и не была направлена непосредственно на него.

Линь Госюн понял.

Получается, что из-за обострённого восприятия маленького мифического зверя, наибольшую травму Фэйфэю нанесла мать Цзян Ханя.

— Почтенный учитель, — несмело начал Цзян Фу.

Линь Госюн бросил на него холодный взгляд.

— Не называй меня так. Кто тебе почтенный учитель?

Всё. Конец.

***

<http://bllate.org/book/13654/1603164>